

ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА

 <https://orcid.org/0000-0002-9624-5779>

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Школа юного филолога
119991 Москва
1-й корпус гуманитарных факультетов
o_kuznetsova@mail.ru

CARMEN ECHICUM: РАЗГОВОРЫ С ЭХОМ В ШКОЛЬНОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVII В.

CARMEN ECHICUM: ECHO-CONVERSATIONS IN 17TH-CENTURY SCHOOL POETRY

В статье публикуется малоизвестный текст конца XVII в. – образец поэтической формы *carmen echicum*. Комментируются сложные для понимания фрагменты, анализируется сюжет. Предлагается гипотеза о месте этого произведения в культуре конца XVII – начала XVIII вв. Кратко рассматривается история эхо-диалога в русской литературе.

Ключевые слова: русская поэзия XVII в., диалог, декламация, эхо-прием.

The aim of the article is to publish and discuss a little-known text from the end of the 17th century – a model representative of the poetic form called *carmen echicum*. Difficult fragments are commented upon and the plot is analyzed. A hypothesis about the piece's place in its broader cultural context is put forward. A history of *carmen echicum* in Russian literature is briefly outlined.

Keywords: 17th-century Russian poetry, dialogue, recitation, *carmen echicum*.

Суть поэтического приема эха состоит в обыгрывании стихотворных строк как реплик диалога, при котором ответная рифмующаяся реплика заключена в короткой строке, зачастую всего в одно слово. Разные авторы обращались к эхо-поэзии на протяжении всей истории русской литературы. Эхо-репликой, усиливающей драматизм развязки, завершается поэма М. Ю. Лермонтова *Кавказский пленник*; на риторических вопросах и эхо-ответах построена сатирическая часть *Кончайте войну!*.. поэмы В. В. Маяковского *Хорошо*; иронически обыгрывается взаимозамена ответов «да» и «нет» в стихотворении А. А. Вознесенского *Диалог Джерри, сан-францисского поэта*. Сходные приемы использованы в поэзии В. С. Курочкина

(*Я не поэт – и, не связанный узами...*), диалоговом стихотворении Н. С. Гумилева *Сон. Утренняя болтовня* и др. Однако эхо как аллегорический персонаж, отвечающий на предлагаемые вопросы или продолжающий мысль собеседника, почти не встречается в русской поэзии со второй половины XVIII в. Отголосками этой традиции можно считать стихотворение *Пастишка и эхо* (опубликовано в 1799 г.) княжны Е. С. Урусовой и краткий сатирический текст неизвестного автора *Новогодние шалости эха* (1906), который целиком строится на искажении эхом предшествующих реплик. Между тем культура использования эха-приема связана с курьезной поэтической формой *carmen echicum* – особой разновидностью диалога¹, который может быть частью декламации в XVII–XVIII вв.

Среди *carmen echicum* в большей степени изучены тексты Симеона Полоцкого – образцы барочной поэзии, выстроенные в вопросно-ответной форме и рассчитанные на устное воспроизведение, возможно, чтение по ролям: *Фаэтон и эхо*², *Диалог краткий* (с Фортуной) и *Диалог краткий о государе...*³. Особенно интересно первое стихотворение с указанием двух действующих лиц: Фаэтон перекликается с эхом. Во всех трех текстах с помощью вопросно-ответной формы прославляются государь и члены царской семьи. В каждом из стихотворений *carmen echicum* происходит сюжетное движение: вопрошающий оказывается переубежден, конфликтная ситуация преодолена, а спорившие действующие лица к концу произносят свои реплики в унисон.

В рукописном сборнике⁴ конца XVII в. есть еще один примечательный пример эхо-поэзии. Он читается в составе комплекса поэтических и прозаических текстов, воспринимаемых как риторические образцы, а кроме того, их соседство отчасти обусловлено рождественской темой. Собрание этих текстов начинается неполным и отредактированным списком приветственных «метров» Симеона Полоцкого *На пришествие во град отчинный Полоцк...*, далее следуют прозаические «приветствования» на разные бытовые случаи – образцовые речи, поздравления, завершающиеся текстом на рождение сына. Поэтическую часть продолжают стихотворный текст об убиении младенцев, обращенный к Иерусалиму; стихи о Рождестве, в которых переписчик,

¹ В. И. Резанов, *Из истории русской драмы. Школьные действия XVII – XVIII вв. и театр иезуитов*, Москва: Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 1910, с. 10.

² Симеон Полоцкий, *Орел Российский, геральдико-эмблематическая поэма русского барокко, объединяющая искусство слова и изображения, предподнесена царю Алексею Михайловичу по случаю официального объявления наследником престола царевича Алексея Алексеевича*, издание подготовлено Л. И. Сазоновой, Москва: Индрик 2015, л. 48 об. – 49; с. 286–287.

³ А. Хиписли, «*Carmen echicum*» у Симеона Полоцкого, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 29, Ленинград: Наука 1974, с. 361–364.

⁴ Российская государственная библиотека, фонд 299, собр. Н. С. Тихонравова, № 249.

по-видимому, случайно сохранил ремарку с указанием на прямую речь: «Дух Святый рек»; на листах 299 об. – 303 с пометой на полях «звездословцы» следуют интересующие нас стихи, затем еще несколько поэтических текстов на рождественскую тему. Судя по конвою текстов, перед нами драматическое произведение, предназначенное для декламации.

Непосредственно эхо-диалогу предшествует вступительная часть, при чтении которой, возможно, представлялись живые картины. В ней кратко описываются события книги Бытия (автором традиционно называют пророка Моисея) с элементами апокрифов. Подобно иллюстрациям народной Библии, яркие эпизоды в тексте следуют один за другим: сотворение мира и иерархии ангельских чинов; падение лучшего из ангелов, Люцифера (Денницы); сотворение неба и небесных тел, следующих за солнцем вокруг земли; создание человека, «ангела во плоти», из четырех стихий; создание женщины и воцарение человека в Эдеме; запрет вкушать плоды с заповедного дерева; зависть дьявола, принимающего облик змеи, и его встреча с Евой. В этот момент меняется форма повествования. На реплику змея, обращенную к Еве, неожиданно отзывается другой голос, с которым рассказчик вступает в диалог. Новое действующее лицо отвечает эхом, но не называет себя – возникает строка, аналогичная тексту княжны Урусовой: «Кто мне отвечает, себя в лесу тая? – я»⁵. «Эхо» и рассказчик продолжают повествование о грехопадении, но уже не в виде упорядоченного рассказа: персонажи проверяют знания друг друга и полемизируют. Одновременно этот диалог напоминает райское прение: задаются вопросы о том, насколько виновно то или иное лицо в изгнании людей из рая. Многие обороты с рассуждениями стилистически снижены, если не шуточны: говорится, что Адам своих потомков «проел», соблазнившись яблоком, а также что земля, «клятая» Богом, не может быть виновата, так как не рвала яблок, в отличие от Евы. С одной стороны, земля в русском Средневековье осмыслялась как аллегорический персонаж (см., например, псковскую икону *Собор Богоматери* конца XIV – начала XV в.), однако нельзя не увидеть стилистического снижения как в этой фразе, так и во всей цепочке поиска виновных (аналогичный комический эффект достигается в сочинении протопопа Аввакума о пьянстве *Списание и собрание о Божестве и о твари и како созда Бог человека*).

После обвинительной части происходит сюжетный перелом, смена ролей. Теперь испытывает собеседника тот, кто отвечает эхом, но в силу ограниченности объема реплик он лишь дает краткие подтверждения или опровержения в ответ на догадки. Действующие лица обыгрывают

⁵ *Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох*, сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова, Екатеринбург: Издательство Уральского университета 2017, с. 496.

традиционное наименование Христа – «Слово», оно становится загадкой. Отвечающий перебирает ветхозаветные сцены, символически связанные с жизнью Христа: явление Моисею Бога в купине, создание медного змея на кресте, предательский поцелуй Иоава и убийство им Амессы. После подсказки о Назарете вопрошающий уверенно говорит о Христе, рожденном Богоматерью (руно Гедеона – прообраз Благовещения), об архангеле Гаврииле, евангелисте Иоанне Богослове (его наименование «сын грома» также имеет библейское происхождение) и Иуде Искарите. Текст завершается пасхальными формулами и приветствием, в котором говорящие вторят друг другу.

В построении этих разнообразных вопросов и ответов проявляется интерес к риторическому искусству, особенно актуализировавшийся в русской литературе второй половины XVII – начала XVIII вв. По форме и стилю стихотворение лучше всего вписывается в традицию рождественской школьной поэзии. Оно продолжает тему «райской игры» и этим напоминает *Жалобную комедию об Адаме и Еве* (70-е гг. XVII в.). В тексте этой пьесы, созданной под влиянием европейских действий⁶, архангел Михаил перед началом судебного прения кратко рассказывает о сотворении мира и запрете, который был нарушен; Адам, Змея и Ева перебивают друг друга, перекладывая вину, и их диалог комически снижен. В драматургии этого времени еще одним условным аналогом, проясняющим контекст возникновения произведения, можно назвать *Беседы пастушеские*⁷ – текст, в котором рассказ о рождественских событиях оформлен в виде ролевого диалога. Однако тематически и формально ближе всего к исследуемому тексту эхо-стихотворение, опубликованное П. Н. Берковым в разделе школьной лирики начала XVIII в. – плач Адама («Что плачешь, Адаме, ты: земного ли края? – Рая...»)⁸. Оно гораздо короче и не столь стилистически окрашено, однако в нем сцена изгнания занимает центральное место и в финале звучит тема Христова Рождества. Возникает даже типологически общая рифма «древа – Ева».

Что касается публикуемого ниже текста, то нельзя не отметить его близость к культуре начала XVIII в.: во вступительной части говорится, что рай для человека был наполнен различными «потехами», Ева названа «товарищем», а змей, подобно куртуазному кавалеру, обращается к собеседнице: «богиня рая, прекрасная девица».

⁶ *Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.*, коммент. О. А. Державиной, Москва: Наука 1972, с. 23–28.

⁷ С. А. Щеглова, *Русская пастораль XVII века («Беседы пастушеские» Симеона Полоцкого)*, [в:] *Старинный театр в России XVII–XVIII вв.*, Петербург: Academia 1923, с. 65–92.

⁸ *Вириши. Силлабическая поэзия XVI–XVIII веков*, подгот. текстов и коммент. П. Н. Беркова, Москва: Советский писатель 1935, с. 271–272.

В рукописи текст не разделен на строки, эхо-реплики отделены кино-варью вертикальной чертой и точкой над строкой. При публикации текст разбит на строки, знаки препинания и заглавные буквы расставлены в соответствии с правилами современной графики, эхо-реплики выделяются разрядкой по сложившейся научной традиции. Орфография упрощена. Предположительно восстановленные под титлами буквы заключены в круглые скобки.

Боговидец сказует Моисей,
Со премудростию Бог сотворил свет сей.
Сотворил умных родов бесплотных множ(е)ство
На хваление всегда своего Божества
И раздели их по числу пределы и чины,
От них же вознесся в гордыне единый –
Денница реченный – старейшина нижний,
В чину десятом мира видимаго ближний.
Помысли бо Вышнему себе быти равна,
Низвержен со всем чином, лишен титла славна.
И не к тому восхотев Вышний хвалы его,
Отрину бо его во веки от лица Своего.
Учинивши же совет на горнем престоле,
Умыслив сотворити в его месте доле
Инаго поклонника, аггела плотяна,
От него ж(е) изгнаст есть он, гордый сатана.
И видев яго со духи плотне стерпит быти
Устроил ему покой особно где жити.
Дивно укрепил небо, всегда ходящее
Солнце – луну, звезды, свет, день, ночь водящее.
В нем четыре стихии: огонь, воздух, воду, персть –
От всех сих мудрствестно Бог человека сложил есть.
Человека чиста, проста, подобна аггелом,
Наипаче ж(е) на Образ Свой безсмертным умом.
Дал душу словесную Себе, Творца, знати,
Дал разум, в роды родов мудрость сказовати,
Рай овощеродный во Едем устроил,
Тамо его всякими потехами покоил.
Сотворил товарища, подобнаго ему,
Деву от ребра его, да не един к тому
Всякими созданными тварьми да обладает,
И дал ю в жену ему, да с ним пребывает.
Поставил его царя всем тварем животным:
Зверем, скотом, рыбам водным и птицам лётным.

Повеле же овощьми всех древ обладати,
 А иж(е) посреде рая сего – не вкушати,
 Сего им заповеда, токмо единого
 Не ясти, да не помрут смертию от него.
 Растли же ся Люцифер гневом, егда виде
 Человека почтенного от Бога – позавиде.
 Умысли от них скоро Божий дар украсти,
 Виде бо, яко тело преклонно есть пасти.
 Приял на ся ипостась ползая змии,
 В тайне пришед к девице гулящей в раи.
 Листию⁹ подпад, к ней глаголющи сице:
 Здравствуй, богини рая, прекрасная девице,
 Повеждь ми имя свое, госпоже исперва – Ева
 А там кто отвещает словеса краткая? – я
 Что то за «я»? отклик то лсти полный искони – ни
 Как «ни»? о сем днесь хошю сказати повесть всем – в ем
 Веси, рцы же, от кого Адам прелщен в раи? – от змии
 Адам ли взял преж(е) овощ з древа? – Ева
 Се солгал еси: не змей прелстил его, жена – она
 Скажи ж(е), кто промеж их виноватший был там? – Адам
 Адаму Ева дала, Ева в тем не права? – права
 Как же права, где взяла – Адам того не знал – у ней взял
 Тем ли виноват, что у ней взял? он ей рвать не велел – ел
 Когда б(ы) Адам не ел, был ли бы грех ныне? – не
 И не для яблока Адам грех, клятву, смерть к нам внес? – и в мир весь
 За яблоко отдал весь мир, дорого купил – слеп был
 Как слеп? когда у Евы взял – смотрил очима – плотским
 Очи ли человека ведут в неистовство – в лакомство
 Впрямь лакомо ел, всех нас на яблоке проел – смерть съел
 За то из рая изгнаны мы напрасно в гресе – все
 Что ж(е) мы виноваты? мы с ним яблоки не ели – ели
 Он ел, он съел, мы не умели проглотить никак(о) – было так(о)
 Чему ж(е) мы для них в клятве пребывали доднесь – и век весь
 Рцы же, кого Бог клял, аще клял нама – Адама
 Се не нас и Адама не клял, яз так внемлю – землю
 Про што землю? не рвала земля яблук з древа – Ева
 И Ева не рвала, рваные даны ей – змей
 И змей не знал, что творил завистник наш демон – он
 Кто ж(е) всех свободил, кто стерл жало демоново? – Слово
 Что то за слово? прошю тя, толк о нем дай – гадай
 То ли, что Моисеови явился в купине? – не

⁹ Имеется в виду «подпадая лестью» – подольщаясь.

То ли, что змию на крест в Хориве прибито? – не то
 То ли, что Амазе рек Иоав в Гаваоне? – не
 Кое ж(е) слово дало смертному шаху¹⁰ мечь? – в Назаре(с)т
 То, что небесный посол деве благовестил – Гавриил
 Та то дева родила Сына Божияго – истиннаго
 Та ли то красота неба и зеркало света? – та
 Она то Слову матери руном Гедеона? – она
 О том то Слове Иоан возгремел, яко гром? – о том
 Тое то Слово нашим телом есть открыто? – то
 Того то Слова словом Искарот лобзал? – продал
 То ж(е) Слово избаву плоть свою за нас – дал на страсть
 Кто терпе крест, гвоздие, копие за нас? – Христос Спас
 И умре, яко человек, гробу себе предал – смерть попрад
 Он смерть, грех, клятву, жало сокрушил демоново – Христос Слово
 И во славе, яко Бог, тридневно воскрес – воистинну воскрес.

References

- Khippisi, Antoni. "Carmen echicum u Simeona Polotskogo". *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Vol. 29 (1974): 361–364.
- Polotskii, Simeon. *Orel Rossiiskii, geraldiko-emblematiceskaya poema russkogo barokko, obyedinyayushchaya iskusstvo slova i izobrazheniya, prepodnesena tsaryu Alekseju Mikhailovichu po sluchayu ofitsialnogo obyavleniya naslednikom prestola tsarevicha Alekseya Alekseevicha*, ed. L. I. Sazonova, Moskva: Indrik, 2015, l. 48 ob. – 49: 286–287.
- Rezanov, Vladimir I. *Iz istorii russkoi dramy. Shkolnye deistva XVII–XVIII vv. i teatr iezuitov*. Moskva: Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete, 1910.
- Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, fond 299, sobr. N. S. Tikhonravova, No. 249. *Russkaya dramaturgiya poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v.*, ed. O. A. Derzhavin, A. S. Demin, V. P. Grebenyuk. Moskva: Nauka, 1972.
- Russkaya pesnya i evropeiskii romans v rukopisnom sbornike nachala XIX v.: emotsionalnaya kultura na perelome epokh*, ed. L. S. Sobolev, O. A. Mikhailov, Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2017.
- Shcheglova, Sofiya A. *Russkaya pastoral XVII veka («Besedy pastusheskie» Simeona Polotskogo)*. In: *Starinnyi teatr v Rossii XVII–XVIII vv.* Peterburg: Academia, 1923.
- Virshi. Sillabicheskaya poeziya XVII–XVIII vekov*, ed. P. N. Berkov. Moskva: Sovetskii pisatel, 1935.

¹⁰ В рукописи эти слова читаются однозначно, однако, по-видимому, фраза была списана неверно, следует читать: «смертному жалю».